

Букреев В.В.,
 профессор Российского
 государственного
 геологоразведочного
 университета
 им. С. Орджоникидзе,
 д.э.н.
 viven@mail.ru

Рудык Э.Н.,
 профессор
 Международного
 университета
 природы, общества
 и человека «Дубна»,
 д.э.н.
 emileroudyk@list.ru

НОВЫЙ ЭТАП ПРИВАТИЗАЦИИ - ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Ключевые слова: приватизация, деприватизация, национализация, коррупция, демократизация хозяйственной власти

Российской приватизации уже более двух десятилетий. В настоящее время идёт её новая ускоренная «волна». На торги, которые власть, в отличие от «старой» приватизации, обещает сделать «открытыми», «честными» и «справедливыми», предполагается выставить «за серьёзные деньги» акции крупнейших, как правило, высокодоходных и бюджетобразующих государственных компаний. Всего в списке 1400 объектов приватизации. Прогнозная цена вопроса - 30 млрд долл. США (или немногим более 900 млрд руб.) для пополнения доходной части федерального бюджета. Между тем, только одна успешно функционирующая государственная компания «Роснефтегаз» (владеет 75% акций «Роснефти» и около 10% акций «Газпрома») имеет на своих счетах около 132 млрд руб., которые она обязана перечислить в федеральный бюджет в виде дивидендов на государственные пакеты акций. Естественно, цена акций самой компании, подлежащих приватизации намного выше [1]. Зачем же приватизировать такую компанию и не только её? Если верить подсчётам аналитиков инвестиционной компании Bright Minds Capital пакеты акций только одних российских предприятий ТЭК оцениваются в 45-47 млрд долл. Печальная история приватизации 90-х гг. XX века, похоже, повторится [2].

Декларируемая цель «новой» приватизации – пополнить государственную казну, но не за счёт продажи убыточных для государства предприятий, лежащих тяжким бременем на государственном бюджете, как это имеет место в мировой практике, а, в первую очередь, относящихся к бюджетобразующим, к тому же существенно недооценённым по сравнению с зарубежными аналогами. Их массовая продажа, скорее всего (зная историю российской приватизации) произойдет по изначально заниженным ценам, имеющим, естественно, тенденцию к падению в условиях непрекращающегося мирового экономического кризиса, негативные последствия которого многие государства, в отличие от российского, пытаются демпфировать. В частности, посредством временной национализации жизненно важных для национальной экономики предприятий, оказавшихся на грани банкротства.

Нужна ли приватизация: кому и зачем?

Прежде всего зададимся вопросом: насколько необходимо было проведение приватизации в России в прошлом и нужна ли она в настоящем, тем более в массовом, ускоренном и приказном порядке?

Ряд обстоятельств подтверждает правомерность постановки этого вопроса. На начальном этапе приватизации передача государственной и муниципальной собственности в частную проводилась в условиях недостаточности законодательной базы; отсутствовал полный перечень объектов государственной и муниципальной собственности и их окончательное разграничение на федеральную, собственность субъектов РФ и муниципальную; не было выполнено предварительное условие приватизации монополизированной экономики СССР - её демонаполизация, приватизация проводилась без установления реальной цены приватизируемого имущества; отсутствовал (как и поныне) действенный парламентский и общественный контроль хода приватизации.

Ключевой вопрос - нужна ли была в принципе приватизация в России? На наш взгляд, если и была нужна, то, во-первых, для ликвидации фактической монополии государственно-бюрократической собственности. Во-вторых, для передачи в частную собственность нерентабельных производств, лежащих тяжёлым бременем на бюджетах всех уровней (в тех случаях, когда такая передача была экономически и социально оправданна). В-третьих (главный, с точки зрения власти), для создания экономического фундамента изменившегося в стране политического режима.

Отвечая на вопрос о необходимости приватизации на современном этапе, заметим, что дело не в тривиальном замещении государственно-бюрократической собственности частной, а в использовании всего накопленного в мире арсенала средств эффективного управления собственностью независимо от того, кто является её титульным владельцем.

Приватизация в России отодвигает на второй план иные инструменты реформирования государственной собственности: передачу казённого имущества в аутсорсинг, аренду, доверительное управление, концессию и другие механизмы управления, не связанных с переходом имущественных прав, использование которых приводит к повышению социально-экономической эффективности хозяйствующих субъектов. Практика показывает, что результативность работы хозяйствующих субъектов напрямую не связана со сменой форм собственности. Она определяется рядом других обсто-

ятельств: качеством управления, трудовым потенциалом, степенью вовлечения работников в управление производством и распределение его результатов, способностью к инновациям и многими другими.

Другой вопрос - насколько своевременным был старт приватизации и её новая волна в условиях, когда в стране наблюдался (и наблюдается до сих пор) кризис? В мире есть немало свидетельств того, что проведение приватизации эффективно только в условиях стабильности в экономике и обществе, по крайней мере, относительной.

Ещё один важный аспект. Приватизированные предприятия в 90-х гг. прошлого века «загонялись» в основном в единственную организационную форму — открытые акционерные общества (ОАО). Был побит мировой рекорд. Так, например, в США, которые идеологи российской приватизации взяли за образец, на несколько тысяч ОАО приходится несколько миллионов закрытых акционерных обществ (ЗАО). Известно, что форма ОАО в наибольшей степени способствует концентрации капитала в силу отсутствия каких-либо ограничений на куплю-продажу его акций. В результате подобной «операции» в России произошла сверхконцентрация капитала у представителей власти и близких к ней лиц.

Лидеры нынешнего думского большинства, формально признав обоснованность критики монополизма ОАО, провели поправки в закон о приватизации, которые предусматривают принудительное преобразование большей части приватизированных предприятий в общества с ограниченной ответственностью (ООО), число участников которых не может превышать пятидесяти. В этом случае процесс концентрации собственности (когда большая часть акционеров ОАО лишится статуса собственников его капитала, а собственниками долей в ООО станет узкий круг лиц) получит новое ускорение со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями. К ним, прежде всего, следует отнести усиливающийся рост социального и имущественного расслоения в обществе, а также углубление отчуждения большей части населения от принятия экономических и политических решений, умножение всевластия крупного частного капитала и окончательную

утрату доверия большинства граждан к государству, которое лишь объявлено социальным.

Целесообразность приватизации на современном этапе в немалой степени зависит от оценки реальной угрозы усиления экспансии иностранного капитала при её проведении (государственная форма собственности, по крайней мере, формально препятствует этому процессу). В первую очередь, речь идёт о транснациональных корпорациях, которые получили широкий доступ к ресурсам России, относящихся к категории стратегических не номинально, а по существу. Как заметил президент В. Путин, мы «зарубежные капиталы... подпускаем к действительно «лакомым кускам», в частности, в топливно-энергетическом комплексе» [3].

Как известно, российский законодатель увеличил долю участия иностранных инвесторов, в том числе в предприятиях, имеющих стратегическое значение с 10% до 25% [4]. В случае акционерного общества, созданного при приватизации, иностранным инвесторам достаётся лишь одной акции (!) для владения блокирующим пакетом. Как известно, обладание 25% акций достаточно для доступа ко всей (!) информации о предприятиях, имеющей стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Не трудно предсказать неблагоприятные последствия для российских стратегических предприятий с точки зрения расширения возможностей их поглощения зарубежными компаниями после вступления России в ВТО. В особенности это может коснуться тех отечественных предприятий, которые в этом случае станут неконкурентоспособными не только на внешнем, но и на внутреннем российском рынке, что облегчает скупку отечественных активов подставными компаниями, аффилированными с основными иностранными монополистами.

Насколько правовой была база приватизации?

Оценка российской приватизации требует определения её законности. Начнем с истоков. Вместо именных приватизационных счетов и вкладов граждан, которые должны были служить средством оплаты при продаже госу-

дарственного имущества, были введены анонимные ваучеры со скрытой целью - ускорить концентрацию капитала в руках немногих. Введение ваучеров стало возможно потому, что законодатель наделил в 1991 г. Президента РФ дополнительными полномочиями. Так, его указы приобретали силу закона, если они не были своевременно опротестованы Верховным Советом РФ. Депутаты не смогли в установленный срок ознакомиться с указом о ваучерах. Официально произошел «технический» сбой.

Теперь о «законности» занижения цены продаваемого имущества, особенно на ваучерном этапе приватизации. Именно тогда государство лишилось большей части своей собственности. Как известно, в соответствии с первым законом о приватизации 1991 г. стартовая цена продаваемого на торгах имущества должна была соответствовать его рыночной стоимости либо определяться исходя из его предполагаемой доходности. На практике имущество приватизировалось по его остаточной балансовой стоимости на базе данных переоценки основных фондов предприятий, проведенной еще в 1982 г., то есть, фактически даром. Это происходило под прикрытием президентских указов, а также нормативных актов приватизационных ведомств. К тому же эти акты зачастую не направлялись на обязательную регистрацию в Минюст РФ, что делало и делает их недействительными с правовой точки зрения.

При оценке законности приватизации нельзя обойти историю с пресловутыми залоговыми аукционами 1995–1996 гг., в ходе которых произошло незаконное отчуждение наиболее лакомых кусков государственной собственности (так называемых «голубых фишек»). К тому же, многие новые собственники не выполнили взятые на себя в ходе приватизации обязательства, что также, как и в случае с залоговыми аукционами, является законным основанием для возврата имущества государству.

Кроме того, законодательно не был урегулирован порядок возмещения ущерба государству, причинённого в результате приватизации. Отсутствовала также ответственность должностных лиц органов государственной власти и руководителей предприятий за незаконные действия в ходе приватизации [8]. К сожалению, предыдущие Госдумы РФ, равно как и нынешняя, так и не решились публично рассмо-

треть Аналитическую записку Счётной палаты РФ, посвящённую приватизации в стране, что не удивительно. В названном документе под сомнение была поставлена сама законность её проведения.

Была ли приватизация результативной и для кого?

Следует признать, что в результате проведённой в стране приватизации, по крайней мере, формально было создано одно из необходимых условий перехода к экономике многоукладного типа. В то же время ни одна из декларированных приоритетных целей приватизации так и не была достигнута. Во-первых, она не решила задачу повышения результативности производства. Сегодня в России, как правило, неэффективно работают предприятия любых форм собственности. Данное обстоятельство фактически было признано В. Путиным ещё при повторном вступлении в должность председателя Правительства РФ: убыточными стали более 90% российских предприятий всех форм собственности. Во-вторых, так и не была решена проблема привлечения инвестиций. В-третьих, не была создана конкурентная среда на рынке — одно из главных условий формирования успешных предприятий.

Полученные результаты приватизации не могут считаться неожиданными. Ставка была сделана на приоритетную реализацию политического тезиса о необратимости проводимых экономических преобразований — достижение так называемой точки невозврата к прежней социально-экономической формации. Отсюда поразившие весь мир масштабы, темпы приватизации в России, степень насилия при её проведении, а также убогие доходы от продажи объектов государственной собственности.

Практика показывает принципиальную возможность эффективного функционирования государственных предприятий. В качестве примера можно привести успешную многолетнюю деятельность ещё с советских времен СП «Вьетсовпетро», владельцами которого на паритетной основе являлись Россия и Вьетнам. На этом предприятии добывается около 60% нефти и практически весь газ Вьетнама. По данным Счётной палаты РФ, только в период с 1993 г. по 2003 г. в доходную часть федерального бюджета

та поступало средств больше, чем от всех объектов федеральной государственной собственности, включая недвижимость и дивиденды на федеральные пакеты акций всех созданных в процессе российской приватизации открытых акционерных обществ за тот же период. Этому, по-видимому, в немалой степени содействовали вьетнамские партнёры, не допуская неправомерного использования государственной собственности (сокрытия прибыли или выведения её в оффшоры и т.п.) [5].

Не была достигнута и одна из главных декларативных целей на начальном этапе приватизации — формирование широкого слоя эффективных частных собственников, ориентированных на долгосрочное развитие своих предприятий, накопление и обновление производственного потенциала.

Главной целью приватизации в России было, независимо от деклараций, создание узкого слоя крупных частных собственников, призванного образовать социальную базу нынешнего строя и способного обеспечить политическую и экономическую поддержку проводимым в стране «реформам». Для формирования и укрепления узкого слоя крупных частных собственников были созданы соответствующие условия и механизмы радикального передела собственности и незаконного присвоения доходов от использования государственного имущества. Государственная собственность оказалась наименее управляемой и наиболее беззащитной, открытой для различного рода злоупотреблений. Этому способствовала своеобразная трактовка защиты прав собственности в Конституции РФ: в России признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Однако прямые нормы об охране права собственности предусмотрены лишь в отношении одной формы собственности — частной.

Главным негативным социальным последствием приватизации оказался рост имущественного расслоения в обществе. Достоверная статистика отсутствует, а диапазон экспертных оценок весьма широк. Ясно только одно: Россия раскололась на две страны — «демократическую» Россию богатых и Россию бедных. Можно только поражаться прозорливости В. Вернадского, который определил русскую демократию как «царство сытых свиней».

Деприватизация – веление времени

Необходимость возврата части переданного в частные руки государственного имущества стала сегодня более чем очевидной. Речь, по нашему мнению, должна идти о безусловном возвращении государству приватизированного с нарушением закона имущества. Это сдерживается отсутствием политической воли руководства страны и слабой (на сегодняшний день) реакцией общества, которая заставила бы власть активизировать процесс восстановления прав государства как собственника. При этом, прежде всего, возникает резонный вопрос: какому государству следует вернуть собственность? Одно дело – нынешнему вороватому, коррумпированному и компрадорскому. В таком государстве «столоничники», являясь распорядителями государственной собственности, станут фактическими ассоциированными собственниками не только остатков государственной собственности, но её приращения в случае деприватизации. По крайней мере, в период их пребывания в статусе выгодоприобретателей административной ренты. Другое дело – демократическому правовому государству, национально и социально ориентированному на защиту прав и интересов граждан, а не привилегированного меньшинства.

Ещё одним сдерживающим фактором проведения деприватизации является нежелание власти, в принципе, пересматривать итоги «нечестной» приватизации 90-х гг. прошлого века. В мире известны три способа деприватизации: добровольный возврат государству приватизированного имущества, принудительный в судебном порядке (например, в случае отчуждения имущества, которое по закону не может принадлежать частному лицу) и национализация — принудительное обращение собственности граждан и юридических лиц в собственность государства на основании закона в качестве крайней меры. Этот путь многократно апробирован в мировой практике. Только во Франции за последние 60 лет были проведены три широкомасштабные национализации.

Право государства лишить то или иное лицо его собственности «в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом», признано в Европейской конвенции по правам человека, принятой Советом Европы [6].

Зарубежный опыт свидетельствует, что национализация может проводиться как на возмездной основе (в денежной форме или в виде долгосрочных государственных облигаций, подлежащих погашению по истечении срока, определённого законодательством о национализации), так и на безвозмездной. Конституция России обуславливает «принудительное отчуждение имущества для государственных нужд» предварительным и равноценным возмещением (ст.35, п. 3), что, по нашему мнению, противоречит ряду международных актов. Например, Европейская конвенция по правам человека не гарантирует права на получение полной компенсации при любых обстоятельствах, поскольку законные «интересы общества» могут требовать выплаты возмещения в сумме ниже полной рыночной стоимости [6].

В России пока нет закона о национализации. В правительственном законопроекте (№ 311559-3 от 2004 г.) допускается возможность национализации для удовлетворения потребности государства в продукции, работах и услугах, непосредственно обеспечивающей обороноспособность и безопасность государства. Естественно, с точки зрения авторов законопроекта, с предварительным, единовременным и равноценным возмещением Российской Федерацией национализируемого имущества по рыночной стоимости в денежной форме, а также других убытков, причиняемых прежнему собственнику за счёт средств федерального бюджета. При этом национализированное имущество должно быть закреплено за федеральными казёнными предприятиями, основная деятельность которых связана с удовлетворением потребности государства в соответствующей стратегической продукции, а при необходимости на базе национализированного имущества может быть создано новое федеральное казённое предприятие (ст. 2, 13 законопроекта). Если будет реализована эта схема проведения национализации, то она, в определенном смысле, может оказаться ещё более разорительной для народа, чем приватизация.

В правительственном законопроекте, прежде всего, не делается различий между изначально частной собственностью, которой до приватизации практически не было, и частной собственностью, созданной в процессе приватизации. К тому же, на основе сильно не-

дооцененного государственного имущества. Ссылки на зарубежное законодательство не состоятельны. В нём под термином «частная собственность», как правило, понимается изначально частная собственность. Такое толкование частной собственности в немалой степени объясняет, например, положение ст. 5 Билля о правах (первые десять поправок и дополнений к Конституции США, предложенные Конгрессом и ратифицированные законодательными собраниями штатов) о том, что «никакая частная собственность не должна отбираться для общественного пользования без справедливого вознаграждения».

В случае изначально частной собственности вполне допустима компенсация бывшим её владельцам в размере рыночной стоимости национализируемого имущества, а в случае частной собственности, созданной при приватизации в России, по мнению авторов, возможны варианты. Например, вначале собственники приватизированного имущества обязаны выплатить «компенсационные возмещения» за недооценённое имущество либо намеренно заниженную стоимость приватизированных предприятий, либо за невыполненные социальные и инвестиционные условия сделок приватизации, а уже потом получить возмещение за национализированное имущество по рыночной стоимости. Возможен и другой сценарий национализации. Размеры государственных выплат за национализируемое имущество определяются исходя из продажной цены имущества предприятия на момент приватизации. При этом делается поправка на инфляцию, а также учитываются улучшения, произведенные собственником с момента приватизации и ущерб, который мог быть нанесён бывшим собственником предприятию, государству, обществу.

Относительно предлагаемых правительственным законопроектом выплат за национализируемое имущество — исключительно в денежной форме, вперёд и сразу. В мировой практике такого нет. Может быть, авторы правительственного законопроекта о национализации выполняют социальный заказ тех, кто хотел бы вернуть «с наваром» бывшее в употреблении государственное имущество, либо тех, кто не уверен, что частная собственность надолго и всерьёз приживется в России?

В условиях нарастания в российском обще-

стве требований вернуть часть приватизированного имущества в государственную собственность промедление исполнительной, законодательной и судебной властей с решением вопроса о национализации де-юре одновременно с решением вопроса об эффективном управлении государственной собственностью, которая оказалась наименее управляемой и наиболее незащищенной, открытой для разворовывания, чревато непредсказуемыми последствиями.

Приватизация – стимулятор коррупции

Приватизация и коррупция в современной России – однояйцевые близнецы. Не подавив коррупцию, которая приняла в стране системный характер, либо, по крайней мере, не минимизировав её, рассчитывать на «честную» и «справедливую» приватизацию не приходится. Равно как и надеяться на возможность использования в сегодняшней России некоррупционных схем управления государственной собственностью, которые не связаны с приватизацией при одновременном приостановлении приватизационных процессов. В условиях коррупции так называемые государственные арендодатели, концеденты, доверители превратились в казнокрадов, чему в немалой степени содействовал печально известный федеральный закон № 94-ФЗ от 21.07.2005 г. «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», а также другие коррупциогенные законодательные и нормативные акты. Надежда на «карающий меч» правосудия, как показывает российская практика, мала, поскольку оно само коррумпировано, равно как и иные надзорные и правоохранительные органы.

Учитывая криминальный и коррумпированный характер большей части проведённых приватизационных сделок, в качестве меньшего зла следует ввести практику обязательного контроля процесса приватизации (там, где она нужна) со стороны общественных и компетентных государственных органов. На «входе» — наличие реальных средств у потенциального покупателя, их происхождение, «биография» претендента на покупку имущества и т.п. На «выходе» (при условии получения положительного заключения общественных и компетентных

органов) — выполнение обязательств, взятых на себя покупателями государственного и муниципального имущества. Подобная практика существует, например, в Республике Беларусь, в которой в роли контрольного компетентного органа выступает КГБ.

Реальное подавление коррупции требует проведения демонополизации общественно-политической жизни страны. Так, фактическая монополия власти в верхнем её эшелоне сделала возможным проведение отмеченных ранее пресловутых залоговых аукционов 1995–1996 гг. Не менее важно то обстоятельство, что фактическая монополия на власть одной политической силы не только не восстановила и, по-видимому, не собирается восстанавливать справедливость в вопросе о залоговых аукционах, но и не исключает возможность повторения подобного рода коррупционных сделок в будущем, связанных с захватом имущественных объектов.

В этой связи, антикоррупционную роль может сыграть ратификация Россией ст. 20 «Незаконное обогащение» Конвенции ООН против коррупции, согласно которой «государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, то есть, значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать» [7]. Россия ратифицировала данную конвенцию за исключением (до настоящего времени) указанной статьи. Также антикоррупционную роль может и должна сыграть отмена срока давности для коррупционных преступлений. История знает аналогичные правовые прецеденты.

Нужна ли в России экономическая демократия при реформе собственности?

Невозможно решить проблемы приватизации или деприватизации без демократизации хозяйственной власти, без того, что в мире получило название экономической демократии на всех уровнях народного хозяйства. В первую очередь, на низовом уровне — предприятия. Она основана на вовлечении в различных её

формах в процессы принятия управленческих решений всех занятых в сфере производства товаров и услуг. Без экономической демократии политическая демократия, даже в её кастрированной форме (так называемой управляемой демократии, как это имеет место в современной России), неполноценна, ущербна, неустойчива и чревата непредсказуемыми последствиями для самой власти.

Неудивительно, что В. Путин в одной из своих предвыборных статей 2012 г. признал целесообразность имплантации элементов экономической демократии на предприятии. Он высказался в пользу «изучения» (только и всего?!) возможности «законодательно расширить участие рабочих в управлении предприятиями», аналогично тому, как это было сделано, например, в Германии в форме так называемых производственных советов. «В компетенцию таких советов у нас могла бы входить ежедневная организация труда коллектива — от графиков рабочего времени до составления социального плана в случае закрытия каких-то производств, повышение квалификации работников» [8]. К сожалению, германский вариант производственной демократии представлен В. Путиным в урезанном виде.

Полномочия немецких работников и их представителей в управлении предприятиями, на которых они заняты, гораздо шире. Во-первых, они имеют право «вето» — отлагательное (до решения суда) и безусловное на решения работодателя или его проекты по многим жизненно важным вопросам деятельности предприятия. К этому следует добавить паритетное или близкое к нему представительство работников в Наблюдательных советах крупных компаний и многое другое. Во-вторых, предлагаемый В. Путиным перечень компетенций производственных советов на российских предприятиях не охватывает комплекса вопросов, связанных с обеспечением реального участия работников, их представителей, институтов гражданского общества (прежде всего, профсоюзов, обществ защиты окружающей среды, прав потребителей и др.) в принятии важнейших решений предприятия, включая участия в решении вопроса о его приватизации или деприватизации.

Естественно, развитие демократических форм управления предприятием предполагает формирование того, что в мире получило на-

звание «открытый» менеджмент. Переход от «закрытого» к «открытому» менеджменту означает открытость и доступность внутренних нормативных документов предприятия. К ним следует, в первую очередь, отнести: учредительные документы; сведения о собственниках капитала, об его объёме и структуре; план финансово-хозяйственной деятельности; годовую бухгалтерскую отчетность, включая данные о кредиторской и дебиторской задолженности, распределении доходов участников хозяйственной деятельности предприятия. Наличие системы открытого менеджмента способствует минимизации злоупотреблений при проведении приватизации (когда она оправдана), эффективному функционированию приватизированных предприятий, противодействию тотальной коррупции в стране, повышению доверия между всеми участниками деятельности предприятия. Без этого не придется рассчитывать на поддержание экономической, финансовой, социальной устойчивости и конкурентоспособности предприятия на внутреннем и внешнем рынках.

Литература

1. Мельников К., Дзагуто В. Игоря Сечина лишают предпоследнего. Правительство обязало «Роснефтегаз» выплатить дивиденды// Коммерсантъ. № 188/П (4973). 08.10.2012.
2. Болдырев Ю.Ю. «Честные» выборы видели? Такой же «честной» будет и дальнейшая жизнь. - rusinform.ru/index.php?newsid=361.
3. Путин В.В. Россия и меняющийся мир// Московские новости. № 225 (225). 7 февраля 2012 г.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 6 федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»; федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» от 16 ноября 2011 года № 322-ФЗ (ст. 3, ч. 1, п. 3; ст. 5, ч. 3, п. 1).
5. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие). М.: Олита. 2004.
6. Гомье Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.: Издательство Московского независимого института международного права. 1998.
7. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 г.
8. Путин В.В. Социальная политика для России. Строительство справедливости// Комсомольская правда. 13 февраля 2012 г. ■